

жизни союза корпорантов является сохранение контактов и дружбы между поколениями, которые служат ещё большей сплочённости. Любая студенческая корпорация помогает создать внутренний стержень у студентов. Рыцарство, благородство, взаимопомощь, – всё это привлекает молодых людей и сплачивает в данные общества. Ведь, как правило, здесь студенты могут обрести дух бурсацкой свободы и независимости, показать свою отвагу и честь, проявить себя как людей отважных и благородных. Сформировать этот дух в молодых людях, воспитать их истинными

патриотами – главная цель студенческих корпораций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История Тартуского университета 1632-1982 / под ред. проф. Сийливаска К. Таллинн: Периодика, 1983. 278 с.
2. Студенческая корпорация Sororitas Tatiana [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.sororitastatiana.lv> (дата обращения: 22.10.2010).
3. Fraternitas Arctica [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.arctica.lv> (дата обращения 17.10.2010).

УДК 101.1:316

Дубинский В.В.

Московский государственный областной гуманитарный институт

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

V. Dubinsky

Moscow State Regional Humanitarian Institute

CIVIL SOCIETY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Аннотация. Глобализация мирового пространства, с точки зрения автора, влечёт неуклонное, повсеместное изменение механизмов регуляции *властеотношений* на различных уровнях. Повышается роль гражданского общества, падает авторитет волевых решений. Конкуренция между нациями переходит в область экономики, задающей отличные от политики принципы кооперации: экономическая рациональность начинает превалировать над политической.

Ключевые слова: гражданское общество, глобализация, права человека, парламентская демократия.

Abstract. According to the author, the world space globalization attracts steady, universal change of regulation mechanisms authority at various levels. The role of a civil society raises, the authority of strong-willed decisions falls. The competition between the nations passes to the area of economy setting principles distinct from a policy of cooperation: economic rationality starts to prevail over political one.

Key words: a civil society, globalization, human rights, parliamentary democracy.

Эффективное демократическое управление подразумевает общественное участие и общественную ответственность. Однако на глобальном уровне соблюдение этого требования осложняется многими техническими трудностями. Проанализируем потенциал и ограничения возможностей гражданского общества как демократической силы в глобальном управлении.

Каково значение гражданской мобилизации общества для целей демократии в глобальном управлении? Сегодня налицо повышение гражданской активности на глобальном уровне.

© Дубинский В.В., 2011

не, что можно расценивать как благо для демократии. Однако положительный эффект от гражданской активности на мировом уровне требует теоретического осмысления, поскольку лишённая самоконтроля гражданская активность может стать разрушительной силой, используемой в политических целях.

Глобализация трансформирует общественно-политическую ситуацию так, что требуется новый подход к пониманию демократии [2]. Какую роль гражданское общество может играть в реконфигурации демократии для эффективного и справедливого глобального управления? Многие примеры недавней гражданской мобилизации были ответом на дефицит демократии в глобализующемся мире. В то же время пока нет ясного понимания того, какой должна быть демократия в условиях глобализации.

Попробуем определить, что является «глобальным» качеством глобальных отношений.

В широком смысле глобализация подразумевает интенсификацию связей в масштабах планеты, но более определённое понимание глобализации предполагает учёт аспекта *сверхтерриториальности*. При таком подходе глобальность становится важнейшим признаком социального пространства, вытесняющим территориальность, территориальные границы. Глобализм в этом смысле имеет трансграничное качество. Явление сверхтерриториальности может проявляться в любом месте земли, отвечающем соответствующим требованиям. Например, сегодня глобальны финансы, телесвязь, электронные СМИ.

Преобразование в результате глобализации социальной географии разворачивалось в течение второй половины XX в. [3]. Мир 1950-х гг. не был знаком с межконтинентальными ракетами, спутниковыми коммуникациями, мгновенным перемещением огромных денежных сумм, Интернетом. Трансграничность производства и рынков была сравнительно ниже, чем сейчас. Если глобализм определять в терминах сверхтерриториальности, его современный масштаб и рост исторически беспрецедентны.

Однако это не доказывает, что география больше не имеет значения. Напротив, национальные правительства продолжают оказывать воздействие на мировую политику, хотя и не имеют той монополии на социальную географию, которой обладали ещё пятьдесят лет назад.

Глобализация не затронула человечество в одинаковой степени. Такие регионы, как Северная Америка, Юго-Восточная Азия, Западная Европа приобрели значительно более глобальный характер, чем остальная часть мира. Жизнь мегаполисов гораздо более подчинена глобальным сетям, чем жизнь сельских районов. Крупные менеджеры, высококвалифицированные профессионалы, богатые люди имеют, в целом, больше возможностей осваивать глобальное пространство, чем работники физического труда, низкооплачиваемые рабочие.

И всё же глобализация как реорганизация социального пространства отражает глубокие изменения в социальной структуре современного общества, включая управление.

Воплощением территориального регулирования была суверенная государственность, при которой централизованный аппарат власти осуществлял высшую, всестороннюю, исключительную юрисдикцию над данной территорией, её жителями. Теперь, когда в связи с глобализацией многие социальные отношения выходят за рамки прежней географии, территориальность управления стала невыполнима. Национальные и местные органы власти не способны эффективно регулировать такие явления, как глобальные средства массовой информации, экологические проблемы, торговлю оружием, финансы. Трансграничные потоки не могут быть привязаны к строго ограниченной территории, над которой государство могло бы пытаться осуществлять односторонний контроль.

Глобализация ослабила важные культурные и психологические основания суверенной государственности. Трансграничные сети сделали людей намного лояльнее (в классовых, межэтнических отношениях). Многие в современном мире готовы отдать

приоритет трансграничным ценностям (права человека, экологическая безопасность) над государственным суверенитетом, национальностью.

Управление как регулирование, координация, контроль в качестве своего объекта теперь подразумевают больше, чем отдельное государство. Современное управление разнородно, включает действия местного, внутригосударственного регионального, надгосударственного регионального, международного и национального уровня. Кроме того, управление стало за последние десятилетия более тесно связано с частными и общественными организациями. В этой ситуации регулирующая власть стала значительно более децентрализованной.

Многие сферы глобального регулирования функционируют теперь не через одностороннее государственное действие, а посредством межправительственных консультаций и координации. Некоторые вопросы в рамках этого мультилатерализма решаются на уровне министерств – например, на встречах Большой восьмёрки и конференциях ООН. Кроме того, значительная часть межгосударственного сотрудничества в глобальном управлении осуществляется в рамках деятельности межправительственных организаций в области экономики, защиты окружающей среды, правовой политики. Регулирование глобальных отношений институционализировано в надгосударственных органах ЕС, МВФ, НАТО, ОЭСР, ООН, ВТО и др.

Конечно, *надгосударственный* не означает «негосударственный»: перечисленные учреждения не получили полную автономию от национальных правительств. Государства – особенно крупные – продолжают оказывать значительное влияние в региональных и международных вопросах управления. Однако надгосударственные организации получили возможности, позволяющие им избегать жёсткого контроля со стороны национальных правительств.

Некоторые аспекты управления минуют государственный уровень благодаря сотруд-

ничеству транснациональных компаний с местными органами власти. Регулирование глобальных отношений возросло также из-за необходимости согласования стандартов теле- и интернет-связи, глобальных соглашений по проблемам окружающей среды, движения транснациональных финансовых потоков.

Под *глобальным управлением* нельзя понимать деятельность некоего мирового правительства. Нет оснований полагать, что по образу национального правительства действует модель централизованного общественного регулирующего аппарата в мировом масштабе; глобальные отношения не регулируются из единого центра власти.

В чем заключаются недостатки демократизма при управлении глобальным пространством?

В целом регулирование глобальными коммуникациями, экологией, рынками, финансами, организациями, производством, в лучшем случае, не встречают явного согласия общественности. В каждой области глобальной политики общественное участие и общественная ответственность не проявлены и не институционализированы в должной мере, так что не будет преувеличением сказать, что глобализация вызвала кризис демократии.

Кризис происходит вследствие двух структурных проблем построения демократии в глобализованном пространстве.

Первая – конфликт между трансграничностью глобализованного пространства и местным самоопределением. Методы реализации демократии в значительной степени не сумели выдержать темп изменения социальных отношений под воздействием глобализации. Люди, большинство политических деятелей продолжают относиться к правительству как единственному актору демократического правления, однако, даже если территориальные (национальный, региональный, местный) механизмы регулирования глобализованного пространства максимально демократизированы, этого недостаточно. Государство, будучи территориально ограничено, не может выступать

агентом демократии в условиях глобальных отношений. Территориально ограниченные демократические механизмы не адекватны трансграничным акторам и взаимоотношениям. Демократическое глобальное управление не есть простая сумма демократических правительств.

Вторая проблема – фактическая прозрачность границ государства. До эпохи глобализации люди идентифицировали себя в рамках той или иной национальной государственности, нации. Глобализация ослабила связи между территорией и коллективной судьбой, дала возможность идентифицировать себя различными способами в дополнение к национально-государственным. В итоге современная мировая политика вовлекает общности разного рода, внутри- и надгосударственные сообщества определённой этнической, классовой, конфессиональной, сексуальной ориентации. Кроме того, глобализация привела к росту космополитических взглядов, самоидентификации в масштабах человечества в целом.

Названные структурные проблемы очевидны, хотя правительства развитых демократических стран всё ещё стараются ограничить гласность своих действий по глобальному управлению. Демократия пока заключается лишь в межправительственных механизмах управления. Например, Большая восьмёрка – главная сила глобального экономического управления, но население её стран составляет около 10% человечества. Тем не менее транснациональные технократические сети работают почти полностью вне общественного контроля. Их должностные лица заключили бесчисленное количество многосторонних соглашений в обход традиционных процедур ратификации договоров. НАТО, ОЭСР, подобно Большой восьмёрке, не включают большинство крупных государств, тогда как их действия имеют международный масштаб. Хотя ВТО включает более 140 государств, почти треть их не имеет постоянного представительства в Женеве, а возможности многих других делегаций ограничены. МВФ и Всемирный банк (ВБ) имеют

почти универсальное государственное членство; однако режим квот означает, что пять самых больших государств имеют 40%, тогда как 23 государства Африки – чуть более 1% голосов. Принцип «одно государство – один голос» в Генеральной Ассамблее ООН едва ли справедлив и демократичен, поскольку уравнивает Китай и Люксембург. Вето пяти постоянных членов Совета Безопасности неоправданно с точки зрения демократии.

Однако невозможно перенести модель управления региональными структурами на международные учреждения. Сотни миллионов потенциальных граждан глобального мира не могут голосовать в конкурентоспособных многопартийных выборах мирового масштаба. Правящие круги не заинтересованы в создании международных демократических органов, не испытывают сильного общественного давления, заставляющего их двигаться в этом направлении. Налицо недостаток технических средств вроде именных избирательных списков, нет приемлемой формулы решения данных проблем: политические культуры стран мира слишком разнообразны, чтобы достигнуть согласия по этому вопросу. Глобальное управление остаётся недемократичным.

Каковы механизмы продвижения общественного участия и общественной ответственности в глобальном управлении? Каков вклад гражданского общества в этот процесс?

Гражданское общество может обеспечить возможность заинтересованным сторонам получать информацию, свидетельства, необходимые для анализа агентами глобального управления. В частности, гражданские ассоциации могут дать выход в политическое пространство социальным группам, не получающим достаточного внимания через другие каналы, включая конституционные представительные органы.

Гражданское общество может увеличить демократичность глобального управления благодаря общественным действиям в сфере образования. Эффективность демократии зависит от информированности населения, и гражданские ассоциации могут способство-

вать общественному пониманию назначения международных законов и регулирующих учреждений. Гражданские группы могут готовить руководства, производить аудиовизуальные материалы, организовывать симпозиумы, распространять информационные бюллетени, снабжать информацией, привлекать внимание средств массовой информации, обслуживать веб-сайты в Интернете, выпускать печатные материалы учебного плана для школ и учреждений высшего образования.

Гражданская мобилизация может увеличить общественную прозрачность глобального управления. Давление гражданского общества может помочь регулирующим структурам стать открытыми, восприимчивыми к общественному исследованию. Часто граждане не знают, какие решения приняты, кем, на каком основании, какие ожидаются результаты, какие ресурсы задействованы для выполнения. Гражданские группы могут также проводить опросы, помогающие понять, насколько прозрачны действия глобальных органов управления.

Гражданское общество могло бы продвигать демократию в глобальном управлении, увеличивая общественную ответственность регулирующих агентов. Гражданские группы могут контролировать эффективность политики глобальных отношений, требовать корректирующих мер, когда последствия неблагоприятны. Гражданские органы могут сообщать о выполнении глобальных режимов ревизорам, парламентам, судам, средствам массовой информации (гражданские акторы участвовали в независимой экспертизе политики ВБ и МВФ). Гражданское общество может также обеспечивать возможность выражения недовольства, преследования изменений существующих мер управления, если они оценены как незаконные.

Таким образом, гражданское общество даёт значительные возможности демократизировать управление глобальными отношениями.

Однако перечисленные инициативы гражданского регулирования глобального управления скромны относительно абсо-

лютного уровня гражданской мобилизации. Большинство сегодняшних предполагаемых глобальных граждан не участвовало в гражданских действиях относительно глобального управления. Многие из гражданских групп, которые адресовали свои действия делу контроля глобального управления, подчас не чувствовали значимость своей работы для дела глобальной демократии. Для существенной демократизации глобального управления необходимо намного больше усилий, ресурсов.

Тем не менее гражданская деятельность иногда фактически нарушает критерии демократии.

Гражданское общество не может обеспечить равный доступ к протестным выступлениям заинтересованным (гражданское общество может воспроизводить или даже увеличивать структурные неравенства, произвольные привилегии, связанные с возрастом, классом, национальностью, расой, религией, местом проживания и т. д.) В гражданском обществе может существовать иерархия политической власти. Уже сейчас можно видеть, что среди активных участников гражданских кампаний преобладают люди средних лет, имеющие высшее образование, принадлежащие к имущим классам, белым, жителям северных стран, христианских конфессий, горожане. Очевидно, что активисты гражданского общества присвоили привилегию выбирать подопечных для защиты их прав, опираясь на чрезмерно узкую – западную – политическую традицию. Таким образом, неправительственные организации и другие профессионализованные гражданские органы могут – хотя и не умышленно – рассматривать как второстепенные те группы, которые смогли бы сказать веское слово в обсуждении проблем глобального управления.

Буддистские, индуистские, исламские ассоциации часто испытывают большую трудность в приобретении голоса в политике глобального управления, чем группы с неявной или явной христианской ориентацией.

Велика проблема компетентности активистов гражданских кампаний: они могут ис-

пытывать недостаток экономического, юридического, социологического образования, не быть способными разобратся в результатах научной экспертизы, статистических данных. Между тем гражданские ассоциации должны нести такую же ответственность, как и официальные структуры.

Угроза демократическим механизмам гражданского общества исходит и от системы финансирования, поскольку гражданские группы могут пользоваться каким-либо услугами или фондами официальных структур.

Известны случаи перехода активистов гражданских ассоциаций на службу в официальные органы регулирующих учреждений, которым они противостояли. Многие гражданские ассоциации вступают в «критическое сотрудничество» с глобальными учреждениями управления, однако постепенно критическая составляющая работы сходит на нет. Вообще гражданские ассоциации не обладают иммунитетом от экстремистских идеологий, могут отстаивать *расистские, ультранационалистские, фундаменталистские* идеи, отрицающие демократические права других. Такие общества могут управляться авторитарно, не отвечая критериям увеличивающейся общественной открытости в собственных действиях. Гражданские организации могут использовать закулисную тактику в преследовании своих целей. Необходимость конфиденциальности может переоцениваться, так что активисты должны сопротивляться искушению закрытости, использованию её для усиления политического влияния. В последнее время появилось несколько добровольных кодексов поведения для гражданских организаций, но они пока не соблюдаются [1].

Перечисленные недостатки подрывают демократичность ассоциаций гражданского

общества. Гражданские инициативы могут быть не в состоянии максимизировать общественное участие, прозрачность, ответственность консультаций и дебатов по общественным проблемам, гражданские действия могут фактически работать против их изначальных целей. Гражданские ассоциации могут ниспровергать другие демократические политические процессы.

Таким образом, гражданское общество – не панацея от дефицита демократизма в глобальном регулировании. Ответственность за демократичность глобального управления не может лежать на гражданском обществе, её несут и официальные органы международных организаций, любые другие участники международных отношений. Социально ответственные средства массовой информации могли бы делать гораздо больше для информирования мировой общественности о проблемах глобального управления. Проблемы гражданского контроля на глобальном уровне сегодня, по-видимому, аналогичны испытанным гражданскими обществами национального масштаба на заре их становления. Это означает, что по мере совершенствования демократических процедур, технических возможностей органов гражданского общества, последнее станет выполнять более заметную роль в вопросах глобального управления, будет более открытым для оптимизации структуры собственных органов управления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Edwards M. NGO Rights and Responsibilities: A New Deal for Global Governance. London: Foreign Policy Centre, 2000. 124 p.
2. Rosow S.J. Globalisation as Democratic Theory // Millennium: Journal of International Studies 29. № 1 (2000). P. 27-45.
3. Scholte J.A. Globalization: A Critical Introduction. Basingstoke: Palgrave, 2000. Chap. 3. 384 p.